

О СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

Бакланов Вячеслав Иванович

Кандидат исторических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ
VIBaklanov@fa.ru

ABOUT THE SOVIET MODEL OF "REAL SOCIALISM"

V. Baklanov

Summary: Subject of research: the Soviet social model with all its achievements and contradictions. The objectives of the study were, through an interdisciplinary approach, to create a holistic and systematic picture of the historical experience of the development of the Soviet social model. The methodological basis of the article was the dialectical-materialistic method, combined with systemic and synergetic approaches. Scientific novelty and results: firstly, it is established that in the updated Marxist theory-scheme of formations, for the socio-economic formation of communism (including socialism as its primary phase), only the post-industrial era is adequate, which was not the case in the USSR with its early industrialism; secondly, it is established that the low in the formation-stadially, the hybrid model of Soviet industrial socialism did not allow the formation of a high/mature socialist consciousness. Conclusions: the insufficient socialist vector of development in the USSR turned out to be incredibly productive and brought the country to the world leaders. But the late USSR, where the processes of bourgeoisization of the elite and society for the most part flooded communist ideals, was in a systemic crisis. However, there was no predestination in the collapse of the communist project. The collapse of the great Soviet creative project - the USSR during the years of Perestroika happened largely due to the wrong strategy and tactics of the perestroika workers, due to a subjective factor.

Keywords: communist-Soviet, industrial, post-industrial, hybrid, bourgeois, values, consciousness, party nomenclature, systemic crisis.

Советский период, несмотря на все его огромные людские и материальные потери и жертвы, вызванные, где просчетом, а где и авантюрно-преступными действиями руководителей СССР, все равно является самым величественным, грандиозным, наиболее продуктивным и результативным (во всех областях жизнедеятельности) периодом отечественной истории за более чем тысячелетнюю историю России. Причиной такого феноменального в мировой истории успеха, на наш взгляд, является то, что советский красный проект, как никакой другой российский социально-политический проект, предложил подавляющему большинству народов России возможность жизненной и творческой самореализации десяткам миллионов трудящихся, которым ранее было отказано в полноценной гражданской субъектности. По словам Людмилы Булавки, «историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и агрессивность отчужденного отношения масс в энергию социального

Аннотация: Предмет исследования: советская общественная модель со всеми ее достижениями и противоречиями. Целями исследования явились, путем междисциплинарного подхода создать целостно-системную картину исторического опыта развития советской общественной модели. Методологической основой статьи, явился диалектико-материалистический метод, в сочетании с системным и синергетическим подходами. Научная новизна и результаты: во-первых, установлено что в обновленной марксистская теории- схеме формаций, для общественно-экономической формации коммунизма, (включая социализм как его первичную фазу) адекватна лишь постиндустриальная эпоха, чего не было в СССР с его ранним индустриализмом; во-вторых, установлено, что невысокая в формационно-стадиальном отношении гибридная модель советского индустриального социализма, не позволяла сформироваться высокому/зрелому социалистическому сознанию. Выводы: недостаточный социалистический вектор развития в СССР оказался невероятно продуктивным и вывел страну в мировые лидеры. Но поздний СССР, где процессы обуржуазивания элиты и общества в массе своем затопили коммунистические идеалы, находился в системном кризисе. Однако никакой предопределенности в крахе коммунистического проекта не было. Крах великого советского творческого проекта- СССР в годы Перестройки случился во многом благодаря неверной стратегии и тактики перестройщиков, благодаря субъективному фактору.

Ключевые слова: коммунистическо-советский, индустриальный, постиндустриальный, гибридный, буржуазный, ценности, сознание, партноменклатура, системный кризис.

преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции» [1, С. 116]

Впервые в мировой истории и истории нашей страны, ранее угнетенное большинство из крестьян и рабочих получило «коллективную путевку» в большую жизнь страны: возможность войти в состав верховной власти; стать политической, хозяйственной и культурной элитой; выбирать любую профессию; бесплатно получать квартиры, образование, лечение; бесплатно ездить за счет государственных субсидий и профсоюзов в дома отдыха и на курорты страны. Советский проект был социальным проектом успешно и максимально реализованным в истории нашей страны: проектом Просвещения и максимальной социальной Справедливости. Проектом, во всем обращенным в Будущее, как понимали его коммунистические деятели и творцы советской культуры и искусства. Коммунистический образ как мечта о «царстве свободы» (К. Маркс), максимального материального

и духовного прогресса человечества, с полной творческой самореализацией всех без исключения, людей, выступал для многих поколений советских граждан мощным побудительным ориентиром, который удесятерил энергию и силы людей по преодолению всех недостатков советской государственности, всех социально-классовых и индивидуально-личностных изъянов и несовершенств человека.

Следует помнить, что не просто историческая Россия, а коммунистическо-советский СССР смог: превратить ранее аграрную и во многом отсталую страну в передовую научную и индустриальную державу; победить в самой кровопролитной в истории человечества II мировой войне всю фашиствующую тогда Европу, вторгнувшуюся к нам во главе с Гитлером; победить в космической гонке передовую Америку и создать лучшую по тому времени систему образования. Советский Союз в послевоенный период являлся примером и мировым лидером для 1/3 всего мирового человечества! Когда такое было в нашей истории?

Важно помнить, что все эти победы и достижения советского красного проекта стали возможными, благодаря великой освободительной миссии Октября 1917 г. во главе с гениальным В. Лениным и прогрессивным наследием марксизма, открывшим всему человечеству путь выхода из всех антагонистических общественных форм Отчуждения. О чем не следует забывать всем соотечественникам сегодня. Вот почему советский период объективно является вершиной развития российской цивилизации в отечественной истории.

О двойственной системе коммунистическо-советской власти

Советский тип государственности заключал в себя двойственную систему власти, которая на первый взгляд, казалось сложной и запутанной для стороннего наблюдателя. Зато была чрезвычайно эффективной в управлении в период тяжелейших испытаний. В тоже время, если исходить из официальных государственных и партийных документов, складывалось ощущение, что они либо сознательно запутывают реальную картину государственной жизни, либо бездумно декларируют политические идеалы, под которые подгоняют действительность. Отсюда известное выражение Ю. Андропова в 1983 г., поразившее многих: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общества, в котором живем и трудимся...». Сказанное еще в осторожной форме, было в массах переведено так: «мы не знаем общества, и государства в котором живем!»

Действительно, в СССР официальные источники ча-

сто маскировали сущность явления советской государственной структуры под главенством вспомогательных учреждений. Во всех официальных документах фигурировало наименование «Советское государство», «советское общество», «советская власть», в то время как Коммунистическая партия была «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» [2, Ст.6]. Двойственная советско-коммунистическая властная система было трудноразрешимой проблемой для исследователей по выявлению сущности советской системы, а точнее коммунистическо-советской. Ведь официальное название «советская» лишь скрывала и маскировало наличие другой, внутренней и более существенной власти- коммунистической.

Коммунистическая партия в СССР, реализуя функцию главной (внутренней) власти, являлась формой тотального контроля за советским (внешним) государством. Можно сказать, что в СССР было два государства: внутреннее - глубинное и главное (коммунистическое) и внешнее, не главное, представительное (советское). Таким образом, коммунистическо-советская система была двусоставной: партийной и собственно¹ «советской». Поэтому ВКП (б)- КПСС не была партией в привычном смысле этого слова. Это было «внутреннее государство», которое своей всеобъемлющей деятельностью связывало воедино и политические функции и гражданские. По словам политолога В. Пастухова, «КПСС в СССР было тем стержнем, что связывало государство и его государственный аппарат со всем обществом воедино» [3]. В этом случае, советское государство и общество, по сути, не разделялось между собой, и действительно было тотально целостным, или тоталитарным. Но при этом советский тоталитаризм был созидательный, творческий, в интересах большинства общества.

Весь советский период: ВКП (б)- КПСС охватывала и вовлекала в политическую, хозяйственную, общественную и культурную деятельность десятки миллионов советских людей- все поколения советских граждан. В позднем СССР, по словам советского диссидента, философа, А. Зиновьева, через многообразную сеть партийных, комсомольских и других государственно-общественных организаций, «фактически в систему власти вовлечено почти все взрослое, здоровое и активное население» [4, С.42]. В конечном счете, именно благодаря волевой деятельности компартии (а иногда и под страхом репрессий), все поколения советских граждан стали участниками, соучастниками и даже творцами непрерывного государственного строительства. В этом и кроется феноменальный успех советского периода отечественной истории. Без активной и энергичной деятельности компартии- «внутреннего», «глубинного государства», внешнее, более рыхлое советское государство не смогло бы

1 В связке «коммунистический» и «советский», всегда будет первенствовать и доминировать коммунистическое.

организовать и мобилизовать людей на великие стройки промышленности, сельского хозяйства, победить в тяжелых войнах, поднять экономику из руин, запустить космический проект и т.д. Все это смогла организовать и сделать компартия, как по-настоящему массовая политическая организация общества, даже несмотря на все ее недостатки. Но никак не внешне демократичная, но организационно слабая система власти Советов.

Эффективность компартии заключалась, во-первых, в ее жестко дисциплинированной организационной структуре, во-вторых, компартия вбирала в себя «все сколько-нибудь значимые советские элиты» [3]. Последнее крайне важно. Поскольку само общество без руководящей и мобилизующей деятельности элит и государства не способно к устойчивому и созидательному развитию. А советские элиты, объединенные под крылом компартии, вовлекая все группы общества в хозяйственную и культурную деятельность, создавали необходимые условия для поступательного развития общества.

Об индустриальном социализме, как «недосоциализме»

В тоже время, говорить о полноценном и успешном строительстве социализма как первой фазы коммунизма, на наш взгляд, было бы неверным. Здесь, автор, разделяет точку зрения философа А. В. Багатурия на природу и сущность советского «реального социализма». А именно; «ни по одному из основных критериев- форма собственности, способ распределения, классовая структура, политическая надстройка- «реальный социализм» не был первой фазой коммунистического общества. Это была новая форма общества, с элементами социализма и вектором развития в направлении подлинного социалистического общества» [5, С.208]. Чем это можно объяснить?

Если исходить из того, что в СССР был построен социализм как первая фаза формационно высокой коммунистической формации, то следует найти в Советском Союзе развитие производительных сил (машин, технологий, производительность труда, развитие науки и т.д.) выше, чем в предыдущей капиталистической формации, в которой «застряло», большинство стран Запада и Востока. Однако в действительности мы этого не обнаружим. Более того, мы увидим, что в 20-30-е годы в СССР лишь ускоренными темпами проходили процессы модернизации экономики, социальной сферы, культуры и образования, аналогичные западноевропейским капиталистическим странам XIX в. Получалось, что те задачи, решаемые партией ВКП (б), что впоследствии выдавались за «развертывание социалистического строительства», на деле, были во многом в рамках еще буржуазной модернизации. Впрочем, сам Ленин этого не скрывал. В своей статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской

революции» (октябрь 1921 г.), Ленин, констатировал: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране» [6, С.144]. Далее: «Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической...» [6, С.145].

Оказавшись в силу редкого политического стечения обстоятельств во власти, в полуфеодальной и полукapиталистической стране, без каких-либо материальных и культурных предпосылок для перехода к социализму, коммунисты-большевики должны были: либо реставрировать капитализм под социал-демократическим знаменем, либо попытаться с помощью политической власти партии большевиков, достраивать сверху материальные предпосылки капитализма без капиталистов! Последнее выглядело невероятным по сложности политическим кульбитом. Но именно этот, казалось бы, сумасшедший вариант взял за основу Ленин и так до этого творчески экспериментировавший с марксизмом.

Свою позицию Ленин изложил в работе «О нашей революции» в 1923 году. Здесь Ленин, с диалектических позиций, оспаривает все упрощенные линейно-экономический взгляды европейских и российских марксистов (особенно меньшевиков). Ленин так объяснял: «Что если полная безвыходность положения, удесятая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных предпосылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах? ... Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры..., то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы...» [7, С.381-382]. Этот ленинский подход к строительству социализма «сверху» был одновременно и новаторским и одновременно необычайно трудным. Если не сказать, практически невыполнимым.

В сложных условиях, большевики, сначала во главе с Лениным, затем в 20-е годы во главе коллективного руководства, и наконец, в 30-е годы, под руководством Сталина, успешно решая задачи буржуазно-демократической модернизации, ни на йоту не отступали от главной цели: планов социалистического строительства. Социалистический вектор развития, фактически ими был

запущен с Октября 1917 г. И все эти годы этот вектор развивался параллельно с задачами несоциалистической модернизации (а буржуазно-демократической), благодаря личным усилиям вождей, работе организационного аппарата партии РКП (б) и ВКП (б), самоотверженности самого рабочего класса. Такая одновременная двойная модернизация страны: буржуазная и социалистическая, крайне осложняла развитие страны и движение ее к социализму. А тут еще встала во весь рост проблема безопасности страны. Отсюда защитить партию, страну любой ценой, не взирая на материальные и человеческие издержки – вот так диктовало суровое время большевикам. И выход, в таких жестких и чрезвычайных обстоятельствах, мог быть один – силовая мобилизация со всеми негативными сопутствующими явлениями (религиозное почитание вождей и самой коммунистической идеологии, обесценивание человеческой жизни, тоталитаризм с ГУЛАГОМ и т.д.). Вот только такой выбор стал роковым для судеб советского социализма. Он с одной стороны, спрямил движение к социализму и повысил мировой рейтинг страны, с другой, извратил саму сущность социализма как самодеятельного низового движения свободных тружеников нового коммунистического мира, так как это понимал К. Маркс.

А что в итоге? Даже в позднем и уже индустриальном СССР наблюдалось значительное отставание от такого же индустриального, но капиталистического Запада: по производительности труда и автоматизации производства, по материалоемкости и энергозатратности экономики. По свидетельству известного экономиста Ханина Г.И., в 70-е гг. разрыв в производительности труда между СССР и США в машиностроении составлял 46,1%, в угольной отрасли-11,1%, а в железорудной- лишь 8,6%. [8, С.439]. «Реальный социализм» оказался обществом, где прибыль получали тем же самым способом, что и прежде, но получали- в силу «научных принципов социалистических принципов»- с варварскими издержками, меньше, а распределяли хуже, несправедливей» [9, С.90-91]. Творческим и автоматизированным трудом, здесь как говорится и не пахло. По словам Владимира Вильчека: «типологически новым, в полном смысле послеиндустриальным», советское производство не стало [9, С.105]. Хотя, безусловно, в СССР была передовая фундаментальная наука, образование, культура; были прорывные, лидерские достижения в космической сфере. Отсюда, мнение А. Бузгалина, аналогичное предыдущему тексту: «В СССР развилось глубокое противоречие между прорывом в постиндустриальной, собственно социалистической сфере, и огромным отставанием в традиционной индустриальной, собственно буржуазной сфере» [10, С.57].

Сам рабочий класс так и не смог стать политическим «гегемоном» в стране², эту почетную роль уступил над-классовой партийной бюрократии. А, если прибавить сюда большую бедность советского населения по сравнению со странами Запада, то получается, что разрекламированный советский «развитой социализм», что по заверениям партийных вождей и пропагандистов якобы должен быть во всем выше и развитей капитализма, на деле таковым не является. А по целому ряду параметров в чем-то, ниже, ущербнее третируемого советской пропагандой западного капитализма³.

Наряду с теневыми элементами неизжитой частной собственности (теневой и спекулятивный бизнес), в стране сохранялась ее основа в виде наемного труда рабочих и колхозников с неизбежной продажей их рабочей силы нанятому им государству. А государство, здесь, по мнению К.Х Момджяна, выступало «в качестве интегративного частного собственника» [11, С.41]. По словам С. Кортунова: «Ликвидировав формы капиталистического отчуждения, коммунизм заменил их новыми, возможно более отвратительными, не преодолев отчуждения как такового» [12, С.163].

Соглашаясь с присутствием многообразного отчуждения в СССР, следует установить его принципиальную разницу с капиталистическим миром. Ведь в классовом отношении советское государство проводило социально-экономическую политику в интересах трудящегося большинства, а не меньшинства, как сегодня, в современной капиталистической России. Ведь та же, прибавочная стоимость, полученная государством, в целом, обратно возвращалась рабочим через государственные фонды в виде бесплатных квартир, бесплатного образования, медицины, льготных путевок в санатории и дома отдыха. Вот только к этому послевоенное общество стало быстро привыкать и требовать большего. С падением железного занавеса, для многих тысяч совграждан «открылся» капиталистический Запад, а в стране начался быстрый рост потребительских ожиданий людей, которых не могли удовлетворить коммунистические вожди в 70-80-е гг. Многочисленную интеллигенцию уже раздражала давящая и опекающая сила КПСС и государственных структур. Невыгодная для СССР разница в уровне жизни и степени политических свобод по сравнению с Западом, стало главным аргументом для деятельности антисоветски настроенных диссидентов и правозащитников. Однако это было уже в то время, когда советский социализм, ранее со спартанским отношением к собственности и к материальным благам, в кругах его элиты, столичных горожан всех национальных республик СССР, заразился всеобщим буржуазным потребительским

2 Вызывает большие сомнения в способности наемных рабочих, занятых рутинным нетворческим трудом к серьезному управленческому и творческому труду.

3 Так в СССР не была решена продовольственная проблема, и мы были вынуждены импортировать зерно.

культом. Что явно указывало на идейную инверсию советского социализма-коммунизма. Это и стало началом конца всего советского проекта.

**О метаморфозах марковского постулата:
«общественное бытие определяет сознание»
в позднем СССР**

Известный постулат Маркса: «общественное бытие определяет общественное сознание» в точности сбился в позднем СССР, но совсем не так, как это предполагали партийные и советские вожди и руководители. Если исходить из социальной практики, утверждаемой советским официозом, что в СССР было построено общество «развитого социализма», что предусматривало неизбежный и скорый переход общества на более высокий коммунистический уровень; то значит, что сознание советских граждан является глубоко социалистическим (или раннекоммунистическим), идейно-коллективистским, «правильным», с доминированием альтруистических форм поведения над эгоизмом, как учила советская пропаганда, то значит, все в стране в полном порядке. Социализм в соответствии с Марксом, Лениным построен, сознание граждан в СССР полностью ему соответствует. Значит, марксистский постулат «общественное бытие определяет общественное сознание»- соответствует действительности. Ведь постулат Маркса абсолютно верен, значит, верна и социальная практика в СССР!

Однако, откуда же тогда неискоренимая тяга многих советских граждан в 60-80-е гг. к ленинству в труде, халтуре, к выпивкам, к мещанству и «поклонению» западной буржуазной культуре, к всевозможным спекуляциям, хулиганству, уголовщине, и даже открытому национализму и антисоветизму? Почему в массе граждан так ничтожно мало альтруистов – пламенных коммунистов, корчагинцев, с «горящими глазами», готовых к самоотверженному коммунистическому труду, как учит партия и правительство? Почему все они живут в кино, но их нет в жизни! Налицо разрыв между серой практикой и красной идеологической картинкой, советским официозом! Это было очевидной проблемой для позднего СССР, руководители которого сами загнали себя в интеллектуальный тупик априорными и дежурными заклинаниями: о неизбежном крахе мирового капитализма и предопределенной победе коммунизма во всем мире.

Отсюда выход виделся один: заставить всех видеть вокруг жизнь, только сквозь определенную оптику, своеобразные идеологические очки, с коммунистическим фокусом, которые надевались всем, буквально с детско-

го сада. Затем очки менялись, в соответствии с возрастом повзрослевшего ребенка: школьник, юноша, молодой человек и т.д. В советских социальных науках также существовала своя оптика, но более высоколобая, для «продвинутых» ученых пользователей.

В СССР сложился жесткий и тотальный идеолого-партийный контроль над описанием жизни советского общества и государства. Общественные науки изучали советское общество, труды К. Маркса, В. Ленина и теорию «научного коммунизма» в строгих рамках официального дискурса с канонизированным языком, что оформился во времена Сталина и в более позднее время. По словам исследователя А. Юрчака, в позднем СССР, сформировалась особая символическая система, называемой им «авторитетным языком», в основе которой «было не создание как можно более точного описания реальности, а создание ощущения того, что публично описывать реальность можно было только в таких символических формах» [13, С.91]. При этом анализ советской общественной системы постоянно сверялся с трудами классиков марксизма-ленинизма (которые как известно не оставили подробного описания социализма и коммунизма), а не изучались непосредственно исследователями⁴. Отсюда социальную реальность не столько осмысливали, описывали, такой какая она была, а такой как она подавалась в жестко идеологизированном стандарте составленном сначала партийными вождями⁵, а затем целой армией идеологических работников-пропагандистов. Другими словами, реальность растворяли в канонизированной пропагандой псевдореальности, Это неизбежно приводило к опасному отрыву социальной практики от официальной теории, вернее квазитории, в виде схоластического и идеологизированного продукта под названием «марксизм-ленинизм»⁶.

В позднем СССР все социально-гуманитарные дисциплины, находились под неусыпным и всепроникающим контролем партийных органов. Тотальность партии над государством и обществом означали тотальность идеологии⁷ над наукой и образованием. В этом была и сила и слабость советской общественной мысли. Сила ее проявлялась в период чрезвычайных обстоятельств (война), когда требовалась предельная мобилизация всего общества. Но откровенная слабость была тогда, когда было необходимо без аврала решать текущие проблемы и противоречия развития страны. В то время, как и философия, и социология, и история, не столько изучали реальное советское общество со всеми его проблемами, сколько занимались браваурной апологетикой существующего режима и господствующей идеологии. «Жесткая

4 Более глубоко и без прикрас советское общество «изучалось» только в системе КГБ.

5 При этом сами кремлевские вожди (после Сталина) речей не писали. За них это делали советские «спичрайтеры».

6 Абсолютно далеких от самих авторов: Маркса, Энгельса, Ленина.

7 Эта тотальность явно носила религиозный характер, вернее квазирелигиозный.

идеологическая цензура стала непреодолимым препятствием для проведения открытых теоретических дискуссий о перспективах социализма в стране и в мире» - как свидетельствует коллектив исследователей [14, С.204].

Языком «научного коммунизма», языком пропаганды, плаката, формировался канон, идеальный тип «советского социализма», «советской экономики», «советской демократии», «советского общества», «советского человека». Однако этот канон считавшийся «реальным» и изучаемый в школе, вузе, на производстве, был бесконечно далеким от действительности, самой жизненной реальности.

В СССР тотальный идеологический пресс буквально сковал все социальные науки, опутал их сложным методо-схоластическим языком советского марксистско-ленинского дискурса («марксизм-ленинизм», «пролетарский интернационализм», «развитой социализм», «народ и партия – едины!» и т.д.), заставлял их не реагировать на реальные проблемы, а описывать в строгом соответствии с глянцево-каноническим. А главный теоретический компас страны – «научный коммунизм» был таковым лишь по названию. По свидетельству ряда перестроечных исследователей, научного в нем ничего не было, поскольку «научный коммунизм» творил фантастические идеологические мифы из ничего, и потому его можно отнести целиком к сфере мифоидеологии [15, С.509-513]. Но тех исследователей кто так считал, или кто пытался выйти за пределы установленного понимания действительности – подвергался в лучшем случае обструкции.

Все это, безусловно, убивало исследовательский свободный поиск. Превращало доцентов и профессоров социальных наук в особых квазирелигиозных толкователей псевдодействительности, «страны Зазеркалья», страны «развитого социализма». Вот только такой эталонной страны, где все «от съезда к съезду» все шло лучше и лучше, не было в действительности. Зато такая беспроблемная страна царил на экране советского телевидения, в литературе, в радужных описаниях толкователей «диамата» (диалектического материализма) и «истмата» (исторического материализма), советских псевдонаук. Неудивительно, что «развитие общественных наук в СССР с их «застывшей методологией» привело к тому, что ученые не смогли дать ответы на многие практически важные вопросы и способствовать тем самым решению в кризисные 1980-е гг. реальных социальных и экономических проблем» [16, С.34].

Внешне повседневная жизнь советских граждан сильно отличало их от всех стран капиталистического мира. Поскольку реально существовал тип «советского человека» и «советская цивилизация» с ее специфическими

базовыми ценностями (идейный коллективизм, советский патриотизм и т.д.). Однако, несмотря на всеобщие мобилизационные социальные практики советских людей, контроля со стороны партийных и государственных органов, КГБ, идеологической накачки и коммунистической системы воспитания начиная с детсада и кончая взрослым производственным коллективом, несмотря на дежурные заявления граждан о верности партии и правительству на всех политзанятиях и собраниях коллективов, массовое общественное сознание сильно отставало от канонизированного, плакатного мифа-образа настоящего «советского человека». К тому же ушел в прошлое страх массовых репрессий. Недолго просуществовал и коммунистический энтузиазм хрущевской «оттепели». И, реальная частная жизнь граждан буднично потекла в ритме явно несоциалистическом, или малосоциалистическом, больше смахивающий на жизнь и быт конформистов и мещан, которых так клеймили на комсомольских собраниях и партсобраниях. По мнению, Юрчака, подавляющее большинство «нормальных граждан» (не активистов), разделяя на словах все коммунистические лозунги, совсем не разделяли их на практике. Для них коммунистические идеалы давно стали «скучными» и «неинтересными». И они, живя среди непрерывных демонстраций, плакатов, лозунгов, собраний, умудрялись при этом существовать в состоянии «внезаходимости» к доминирующему, ритуализированному «авторитетному дискурсу», официальному советскому языку [13, С.553-583]. Большинство советских людей в позднем СССР были как раз именно те самые «нормальные» граждане, что жили как бы в двух мирах: официальном, ритуальном и даже в какой-то степени фантастическом⁸ и мире реальном. Причем в мире реальном, они давно жили по другим убеждениям и принципам (по сути своей мелкобуржуазно-потребительским). Они научились с комфортом для себя, чтобы от них отстали активисты и контролеры, просто имитировать коммунистическо-советские символы и практики. Все оказалось гораздо проще. Надо лишь быть регулярно на комсомольских и трудовых собраниях («у всех на виду»), повторять дежурные лозунги и правильно голосовать. И все. И от тебя отстанут. И при этом жить своей, другой, возможно совсем не коммунистической жизнью.

Возникает вопрос, почему в позднем СССР, несмотря на обилие внешних признаков, в повседневной жизни так мало было настоящей социалистическо-коммунистической практики? Причиной тому были в массе неизжитые досоциалистические отношения и уклады жизни, частнособственнические инстинкты и сопутствующий им эгоизм и индивидуализм.

Другими словами, далеко не коммунистическое по факту жизненное бытие советских граждан и воспроизводило у них докоммунистические формы сознания, мо-

8 Где было «правильное» «словоговорение» и «правильные» коммунистические ритуалы.

рали и поведения. В точности по каноническому марксизму - «общественное бытие определяет сознание». Однако признаться в том, что социализма, (причем «развитого») в стране полностью не удалось построить, что СССР застрял в длительном переходном этапе к нему, на это советские вожди позднего СССР пойти не могли. Они и сами изучали советское общество и государство по плакатному канону «марксизма-ленинизма» с его полурелигиозным, ритуализированным языком и поэтому слабо разбирались в действительности. О чем свидетельствовало парадоксальное признание Ю. Андропова в 1983 г.: «мы недостаточно знаем общество, в котором живем».

Но здесь не может быть и речи о массовом антисоветизме и антикоммунизме. Открытых антисоветчиков и антикоммунистов было жалкие сотни людей на всю страну- диссиденты. Советские «нормальные граждане» в массе своей были искренними патриотами своей страны и верили, что живут в лучшей стране мира, как их учили со школьной скамьи. Но рядовая «советскость» отнюдь не тождественно «социалистичности» и высоким идеалам коммунизма. Вовсе нет. Она была лишь тождественна выдрессированным мобилизационными практиками коллективных и псевдорелигиозных действий: шествий, лозунгов, речей, клятв, фраз, которые были умелой имитацией советской жизни. Поскольку большего, в условиях сохранения раннеиндустриального бытия, с огромной долей физического труда, отсутствием реальной рабочей демократии и мифологическим обожествлением вождей, достигнуть в СССР было просто невозможно. Нельзя было прыгнуть выше головы в коммунизм, когда постиндустриальных материально-технических условий для него еще не было.

То, что лавинообразное количество ритуальных коммунистических лозунгов, пропаганды, роста числа членов КПСС, не переходит в коммунистическое качество в 70-е гг. отчетливо видно, не только по повсеместно возросшей мелкобуржуазной культуре потребления, но и по росту буржуазного национализма во всех республиках СССР. Именно в 70-е гг., ранее господствующая и первичная интернациональная советская идентичность («я советский») перекрывается первичной этнонациональной идентичностью: «я литовец», «я украинец», «я грузин», «я русский» и т.д. [17, С.185-186]. Налицо был кризис интернациональной советской парадигмы, который власти всячески маскировали бравурными речами с высокой трибуны о том, что в СССР национальный вопрос «окончательно решен». В то время, как, по словам зампреда КГБ СССР Филиппа Бобкова: «Трудно назвать такую республику СССР, где не возникали бы национальные проблемы, грозившие перерасти в межнациональные конфликты. Однако серьезно заниматься этим делом никто не желал, жили в какой-то необъяснимой эйфории идеального благополучия. Всем хотелось видеть картину абсолютного единодушия, полного согла-

сия всех племен и народов, и желание это выдавалось за истину, причем отбрасывались в сторону вопросы, требовавшие немедленного решения» [18, С.307].

Наблюдались и другие различные социальные девиации, порожденные так и не преодоленными стадийными различиями между более развитыми республиками Прибалтики, Украины, центральных городов СССР и южными республиками Кавказа и Средней Азии, где явно в обществах сохранялись неизжитые феодальные и даже дофеодальные родовые отношения с доминирующим религиозным сознанием. Впрочем, советская пропаганда называла эти многочисленные социальные и семейно-бытовые отношения всего лишь незначительными пережитками «проклятого прошлого», «родимыми пятнами». И их откровенно замалчивали, рассчитывая, что эти проблемы «сами рассосутся» через пропагандистскую накачку и производственные отношения.

Парадоксально, несмотря на все технологические достижения и высокий марксистский рационализм, в массе своем сознание советских людей позднего СССР сохраняла знаковые черты мифологического, полурелигиозного. Собственно сама коммунистическая идеология, так легко прижилась в крестьянской России, как верно заметил еще Н. Бердяев, потому, что она стала во многом светским заменителем православия [19]. По словам политолога Н. Загладина; «именно большевистская идеология, особенно в подкорректированном И.В. Сталиным виде, в наибольшей мере отвечала глубинным, по сути, средневековым стереотипам сознания, сохранявшимся у широких народных масс российского населения» [20, С.21]. В дальнейшем компартия с помощью современных технологий и тотальной и изоцированной агитации и пропаганды целой армии коммунистических жрецов-вероучителей всемерно насаждала единственно «верное учение», пусть даже сугубо атеистическое. Но атеизм коммунистической доктрины, по словам С. Кортунова, был, по сути «религиозным суррогатом» дискредитированного православия [12, С.142]. Зато только в полурелигиозной и мифологической форме подачи коммунистической идеологии в массы (особенно в виде обожествления умерших вождей и поклонения живущим), оно работало довольно эффективно! Но как только советская система разрушилась, исчез сопутствующий ей «марксизм-ленинизм», то традиционная религия вернулась на свое почетное место. В формационно-стадийном отношении, невысокая гибридная модель где-то индустриального, а где-то раннеиндустриального советского социализма, не позволяла сформироваться высокому/зрелому социалистическому сознанию.

Основные противоречия советской общественной модели

Любое государство и общество следует анализиро-

вать, в их непрерывном развитии и соотношении векторов повышающих уровень сложности и качественного развития общества (социальный прогресс) и векторов их понижающих – (социальный регресс). Отсюда любой период советской истории, будь то года НЭПа, сталинского периода, хрущевской оттепели, горбачевской перестройки, будет сильно отличаться от предшествующих периодов и этапов и своими особенностями и своими достижениями и своими утратами.

Сталинский период, несмотря на все его чудовищные социальные издержки, был периодом наивысшей динамики и качественного роста советской системы и вектора социализма в целом, пусть и в явно деформированной жестокостями сталинизма социальной сферы. «...Никакая другая система ни в России, ни в мире не обеспечила такие темпы экономического, социального, культурного развития, такую степень равенства и справедливости, какие были достигнуты в рамках сталинской модели социализма» [21, С.86]. Также очевидно, что накануне своего краха СССР достиг своего максимума во всех практических областях жизнедеятельности, особенно в сфере социальной политики и культуры. Вот только количество не всегда переходит в совершенное качество.

Наиболее ярко это видно по советской элите. С высоты времени видно, что со времени революции 1917 г. советская элита все время обновляясь и росла, при этом качественно все более и более вырождалась. Большевистских героев революции, сменили сталинские «солдаты партии», готовые бездумно выполнять приказы вождей. Но эти сверхэнергичные назначенцы, работали и за страх и за совесть. Но больше из-за чувства страха, разлитого по всем социальным этажам сталинской эпохи. Несмотря на все массовые преступления (сотен тысяч невинно погибших в ГУЛАГе) сталинского времени, эта эпоха была удивительным сочетанием социального оптимизма, веры в коммунизм, удивительного героизма и откровенного злодейства. Чего не скажешь о последующих периодах советской истории. Особенно брежневского периода. В ней бывшие наследники Революции, великих побед 30-40-х гг., представляли собой (за небольшим процентом энтузиастов) бесцветный ряд серых исполнителей, мещан-карьеристов. Наконец, начали образоваться партноменклатурные династии, превращаясь в замкнутые (в самом себе) и практически закрытые корпорации для самого народа. Социальные лифты для талантливых представителей самого народа в средние и высшие кадровые этажи КПСС перестали работать, хотя численно компартия увеличила свои ряды (свыше 18 млн.). Количественный состав партийных «билетоносителей» и «карьеристов», все время подавлял и размывал ее качественный слой - настоящих коммунистов, для которых фразы «Революция», «Ленин» и «Коммунизм» были не пустыми словами. Вот только они, будучи в глазах большинства «белыми воронами», в самой

партии «погоду» уже не делали. Там давно уже царили серые карьеристы и обуржуазившиеся партократы. Откровенное обуржуазивание верхов подало пример и социальным низам. «Мещанство постепенно побеждает на всех уровнях социальной лестницы, оно оказывает все более разлагающее влияние на общество и его идеалы» [14, С.203].

«Общепартийная» собственность в 70-е гг. все более превращалась в корпоративную и по существу частную. «Лица, распорядившиеся от имени государства так называемой государственной собственностью (чиновники всех уровней), нередко выступали уже в качестве ее реальных владельцев» - отмечает В. Пастухов[3]. На практике это означало, что члены единого правящего слоя - партхозноменклатуры, по факту распорядившиеся общепартийной собственностью становились все более и более независимыми от государства. Одновременно с этим процессом и государственная природа собственности в СССР, стремительно перерождаясь в корпоративно - частную, считалась государственной лишь условно. «Партийно-государственная номенклатура к 1980-м замкнулась в своеобразную касту, где царили корпоративные интересы. Возникали злокачественные социальные образования, объединявшие партийных работников, цеховиков и торговых работников. На уровне народа было осознано отчуждение от принятия решений, как на уровне страны, так и на уровне конкретного предприятия, так что сильных стимулов для развития экономики у работников тоже не было» [22, С.23]. Не удивительно, что сдерживается развитие государственной и общественной жизни, а страна вползает в стагнацию. И в конце 1970-х годов она вступила в стадию глубокого системного политического кризиса (даже несмотря на то, что экономика все-таки развивалась), что, естественно, повлекло за собой кризис всей государственной системы. По словам исследователя, «эпоха «застоя» показала, что эпоха трансформаций может порождать не только прогрессивные, но и реверсивные траектории социальной эволюции. Реверсивная эволюция, путь в болото тупика обеспечивают квазистабильность и квазиблагополучие, чреватое крахом - такова плата за отказ от прогресса»[23, С.267].

И это при том, что социалистический вектор развития все время шел параллельно с антисоциалистическим вектором, жестко конкурируя с ним. В позднем СССР значительно выросли государственные вложения в социальную сферу; советский кинематограф, советская литература и искусство создавали первоклассные художественные произведения, в которых коммунистические идеалы вдохновляли на коммунистическую жизнь советских граждан намного эффективнее и лучше, чем это делали скучно-унылые официальные речи и книги партийных и советских деятелей, штатных пропагандистов. Вот только в борьбе за умы и сердца советских граждан

коммунистическая идея в позднем, уже городском СССР явно стала проигрывать буржуазной, рыночно-потребительской культуре [22, С.39]. Или, по словам А. Бузгалина, она «постепенно отмирала в душной атмосфере «застоя» [24, С.267]. Такова была сложная количественно-качественная диалектика социалистического - несоциалистического в СССР.

В общем, кризис советской системы имел объективный идейно-политэкономический характер. В позднем СССР уже наличествовали многообразные буржуазные отношения: существуя либо в теневой сфере производства (теневики), либо в самой ведомственно-клановой структуре советских управленческо-производственных отношений, замаскированных звонкой, но пустой партийно-коммунистической риторикой.

Логика развития такого гибридного социалистическо-буржуазного общества неизбежно вела к полному изживанию-устранению советско-социалистических отношений, во всем мешавших дальнейшему развитию скрытых в обществе капиталистических отношений. Причем в этом уже была кровно заинтересована господствующая партхозноменклатура. Ведь, для того, чтобы стать частным собственником и полноценным владельцем управляемой «общенародной собственности», номенклатуре необходимо было уничтожить ту самую социалистическую собственность и соответствующую ей государственную надстройку, которые в течение десятилетий составляли основу ее господства. Ради своей собственности следовало уничтожить советскую государственность.

Исход битвы между сторонниками обновления социализма («демократический социализм») и его многочисленными противниками решила Перестройка 1985-1991 гг. [25]. В ней, по одну сторону баррикад оказываются реакционные партократы, стремящиеся, во что бы то ни стало сохранить отживающую государственную систему. По другую сторону - «рыночники- демократы»- буржуазные «перерожденцы» в партии, такой же узкий радикально-оппозиционный слой, стремящийся к уничтожению ненавистной им государственности⁹. «Коммунисты-демократы», опираясь на образованную часть общества (интеллигенцию) мастерски и по всем статьям переиграли партийных ортодоксов, став победителями в той битве. После чего сразу конвертировали свои хлебные должности в частную собственность. Или приватизировали всю общенародную собственность себе - став полноценными капиталистами.

«Глубинный» советский народ был против краха социализма и распада СССР (о чем свидетельствовали результаты референдума 17 марта 1991 г.), но историю совер-

шают не просто огромные и неорганизованные массы, а часто меньшинство, хорошо организованное и заряженное на победу. Таким меньшинством стало либеральная часть общества, руководимая исторгнувшими советский марксизм партноменклатурой во главе с Ельциным.

Заключение

Советская цивилизация поражает своей величием и грандиозностью исторических свершений, которые и по сей день вызывает национальную гордость у нашего народа. Вот только ее коммунистическое содержание справедливо вызывает острую полемику среди исследователей. На деле, советский вариант государственного социализма представлял собой удивительный общественный гибрид, в котором были смешаны все не ликвидированные предыдущие досоциалистические уклады и отношения, при активно развивающемся все годы советской власти социалистическом векторе развития. Среди них были и пережитки феодализма, капитализма и азиатского способа производства, что выливалось в соответствующие для них формы сознания, с которыми безуспешно боролась советская идеология. С другой стороны, им противостоял и с ними конкурировал социалистический плано-общественный сектор, с господствующей коммунистической идеологией и советской социалистической культурой и новым коммунистическим бытом. Вот только социалистический уклад и в экономике и в социальных отношениях и в культуре и быту, значительно уступал всем досоциалистическим и псевдосоциалистическим отношениям, лишь паразитировал на шумной коммунистической идеологии. И тем не менее, именно этот, в масштабах общества недостаточный социалистический и во многом надстроечный вектор развития оказался невероятно продуктивным. Именно он и вывел отсталую ранее страну на многие лидирующие позиции. Однако это не смогло удержать от реставрации капитализма в стране, где в силу процессов урбанизации, общекультурного развития общества, появился массовый запрос на более демократические формы управления обществом, чем то, что могла предложить стремительно деградировавшая партия КПСС в последние десятилетия СССР. Отказ от сталинской модели тоталитарного социализма, ранее сверхэффективного в модернизации страны, стал неизбежен в позднем СССР, где общество стало более городским и образованным. Горожане и интеллигенция уже не нуждались в строгой и всеохватывающей опеке со стороны партийных структур. Зато партаппарат страшился потерять былой контроль над массами. Наконец, партноменклатура, утратив былой страх перед вождями, утратив веру в коммунистическую идею, клюнула на привлекательные буржуазные ценности, закуклилась в узких ведомственно-клановых интересах, стала стремительно освобож-

9 Презиравшими «совок» и смотрящими с вождением в сторону капиталистического Запада.

дать себя от ответственности за судьбу страны в коммунистическом векторе развития, и тем самым ослепила и оглушила общество лицемерной болтовней о скорой победе коммунизма. Позднесоветское общество было развращено чрезмерной, шумной и лицемерной пропагандой, уходя от них в частную малосоциалистическую жизнь. А в самом обществе коммунистические идеалы тонули в море буржуазных потребительских ценностей.

Все это указывало на системный кризис советского реального социализма, из которого, однако был положительный выход. Отсюда никакой предопределенности в крахе коммунистическо-советского проекта не было. Крах великого советского творческого проекта - СССР в годы Перестройки случился во многом благодаря неверной стратегии и тактики перестройщиков, благодаря субъективному фактору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булавка Л.А. Советская культура как идеальное СССР (100-136)//СССР: Оптимистическая трагедия.- М.: ЛЕНАНД, 2018.- 440 с.
2. СССР. Конституция (1977).М.: Политиздат, 1977- 127, [17] с. илл.
3. Пастухов В. Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию. М. ОГИ. 2012. [Электронный ресурс] – Адрес доступа: <https://coollib.net/b/518789/read> (дата обращения 19.12.2022).
4. Зиновьев А.А. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф. 1994. 495 с.
5. Багатурия Г.А. К вопросу о развитии марксистской теории формационного преобразования общества(165-212)// Социализм-21: 14 текстов постсоветской школы критического марксизма.- М., Культурная революция, 2009.- 720 с.
6. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. - Политическая литература. М.1970. Т.44.- С.144-152.
7. Ленин В.И. «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова» (379-382). Полн. Собр. соч.-Политическая литература. М.1970. Т.45.
8. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время : монография : В 2 т. / Г.И. Ханин; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск, 2008. – Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. – 516 с.
9. Вильчек В.М. Алгоритмы истории.-М.: Аспект Пресс, 2004.- 219 с.
10. Бугалин А.В. Экономико-политическая система СССР: достижения, противоречия и уроки для социализма будущего (55-69)//Оптимистическая трагедия.- М.: ЛЕНАНД, 2018.- 440 с.
11. Момджян. К.Х. Было ли советское общество социалистическим? [Электронный ресурс] – Адрес доступа: <http://socis.isras.ru/files/File/2021/12/Momdzhyan.pdf> (дата обращения 19.12.2022).
12. Кортунов С.В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.- 589 с.
13. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. 4-е изд.- М.: Новое литературное обозрение, 2019. 604 с.
14. Шевченко. В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Современные проблемы российского государства. Философские очерки.- М.: Прогресс-Традиция, 2015.- 464 с.
15. Платонов С. После коммунизма. Кн., не предназнач. для печати. - 2-е изд.; Второе пришествие.: Беседы.- М.: Молодая гвардия. 1991.- 555 с.
16. Кирдина-Чэндлер С.Г. Несостоявшийся теоретический синтез-тормоз реальной практики (методологические заметки по поводу распада СССР) (27-36)// Социологические исследования. 2021.№12.
17. Бакланов В.И. Советский этнонационализм против советского интернационализма (182-187). III Международная научно-практическая конференция посвященная 100-летию образования СССР (VI Губкинские гуманитарные чтения) Сборник материалов. М. 13 мая. 2022 г.
18. Бобков Филипп. КГБ и власть. М. «Ветеран МП». 1995.
19. Бердяев Н. Истоки и Смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.- 224 с.
20. Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. Отв. ред.: Лапкин В.В., Пантин В.И. М., ИМЭМО РАН, 2004, 171 с.
21. Апрышко П.П. Советский социализм: по Марксу, Ленину, Сталину (65-87)/Коммунизм, антикоммунизм, русофобия в постсоветской России. 2-е изд., доп./ Авт. Кол.: П.П. Апрышко и др.-М.: Мир философии, Алгоритм, 2021.-607 с.
22. Кононов И.Ф. И все же – катастрофа! Завершение советской эпохи: оценки с дистанции в 30 лет (круглый стол). Социологические исследования. № 12. 2021.
23. Бакланов В.И. Формационно-цивилизационные особенности модернизации России XX век - начало XXI века. Обозреватель- OBSERVER. 2019. №1 (348) С.34-42.
24. Бугалин А.В. Потенциал «оттепели» и тупики «развитого социализма» (255-267) //СССР: Оптимистическая трагедия.- М.: ЛЕНАНД, 2018.- 440 с.
25. Бакланов В.И. Перестройка и крушение СССР в междисциплинарно-синергетической версии // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 5.-С.6-15. <URL:<http://elib.fa.ru/art2022/bv776.pdf>

© Бакланов Вячеслав Иванович (VIBaklanov@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»